

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои воспоминания я написала уже несколько лет тому назад, но печальные обстоятельства не позволили мне издать их раньше.

Когда я их закончила, Великая Княгиня Мария Павловна, сестра Великого Князя Дмитрия Павловича, которой я о них поведала, взяла их на прочтение. Она ими заинтересовалась и предложила заняться их изданием и переводом на английский язык, которым она владела в совершенстве. Она также выразила желание написать предисловие, в доказательство своей дружбы ко мне и чтобы подчеркнуть, как она говорила, что в семье меня не считают чужой.

В течение года мы совместно работали над окончательным редактированием воспоминаний, и она уже приступила к переводу. Но состояние здоровья не позволило ей довести работу до конца, и она вынуждена была от нее отказаться. Теперь ее нет в живых. Она скончалась в декабре 1958 года и покоится рядом со своим братом, Дмитрием, в склепе в имении сына, графа Бернадотта, в Майнау, в Германии.

За последние годы жизни силы моего мужа, Великого Князя Андрея Владимировича, начали сдавать, и мы не могли как следует заниматься изданием. К тому же в 1956 году я вторично сломала себе ногу и более шести месяцев пролежала прикованной к постели. Осенью того же года Господу Богу угодно было призвать к себе Андрея, и, потрясенная горем, я была не в состоянии что-либо делать.

Мои воспоминания я написала в тесном сотрудничестве с Великим Князем, и те, кто ознакомились с русским текстом, отдали должное его работе. Без него я вряд ли бы смогла написать их.

Глава первая

СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ

Мы в детстве часто слышали от отца рассказ о происхождении нашего рода от графов Красинских¹. Семейное предание передавалось изустно от отца к сыну с XVIII века и сохранило живые краски. Но никому не пришло в голову записать его на свежую память со всеми яркими подробностями, и только теперь, с помощью брата и сестры, мне удалось отчасти восстановить рассказ отца так, как мы его слышали и как он сам, вероятно, слышал от нашего деда.

Героем событий был наш прадед, а дед лишь нес на себе тяжесть их последствий. Мы же все слушали историю наших предков с особым интересом, так как она определила нашу судьбу: благодаря тому, что произошло за полтора века до нашего рождения, создалась театральная династия Кшесинских, последними представителями которой являемся я и семья моего брата.

И дед, и отец пытались восстановить утерянные права, но это удалось лишь мне после смерти отца.

События, о которых рассказывал отец, произошли в первой половине XVIII века в Польше. Мой прапрадед, как старший в роде, унаследовал от своего отца, графа Красинского, крупное состояние, а его единственный младший брат получил лишь небольшую долю. Прапрадед вскоре после получения наследства овдовел и от тоски по любимой жене умер, оставив моего деда, Войцеха, на попечении преданного французского воспитателя. К осиротевшему двенадцатилетнему мальчику перешли обширные владения и крупное состояние графов Красинских.

Его дядя, считавший себя обездоленным и стремившийся захватить наследство Красинских, решил

избавиться от Войцеха с помощью наемных убийц. Один из них, мучимый совестью, рассказал об этом воспитателю Войцеха, и тот решил, что единственным средством уберечь мальчика было немедленное бегство из Польши, где ему грозила опасность, во Францию. Собрав наспех кое-какие документы и то, что можно было захватить с собою, не привлекая внимания, француз бежал со своим воспитанником в 1748 году на родину и поместил мальчика в своей семье, имевшей дом под Парижем, в Нейи. Из предосторожности он записал Войцеха под именем Кшесинского², принадлежавшем ему, по-видимому, по женской линии.

После смерти воспитателя Войцех остался в Париже и там женился в 1763 году на польской эмигрантке, Анне Зиомковской. В 1770 году у них родился сын Ян. Когда он счел, что опасность миновала, мой прадед вернулся с сыном в Варшаву. На родине выяснилось, что за время его полувекового неизвестного отсутствия дядя выдал его за умершего и таким путем получил в наследство все имущество графов Красинских. Попытки прадеда вернуть себе состояние своего отца остались тщетными, так как в поспешности бегства воспитатель не захватил с собою все необходимые документы. Между тем в Польше из-за войн и внутренних беспорядков погибло в огне и было утеряно много архивов, особенно церковных. Восстановить права прадеда в этих условиях оказалось невозможным. Прадед все же имел некоторые документы, которые хранил в отдельной шкатулке, придавая им особую цену; шкатулку эту он завещал моему деду Яну. «Береги ее как зеницу ока, после моей смерти она откроет тебе иной путь», — часто говорил дед моему отцу.

Но мой отец, по своей доверчивости, не мог ее уберечь: один из родственников уговорил его передать ее ему для хранения в безопасном месте, и шкатулку потом не вернул. Куда она исчезла и что с ней случилось, установить оказалось невозможно. Единственное, что сохранилось у моего отца в доказательство его происхождения, было кольцо

с гербом графов Красинских, так называемый геральдический «слеповронок». Описание его имеет-ся в польском гербовнике: «На лазуревом поле серебряная подкова, увенчанная золотым крестом. На нем черный ворон с золотым перстнем в клюве. На щите графская корона, шлем, дворянская корона, на которой сидит тот же ворон. Намет лазуревый, подложенный серебром».

Мой отец хорошо помнил, как он, еще ребенком, ездил с дедом во дворец Красинских, и каждый месяц дед получал известную сумму денег. Это являлось косвенным доказательством его происхождения.

В 1798 году, вскоре после своего возвращения в Варшаву, мой дед женился на Фелицате Петронелли-Деренговской. У него было от нее трое детей: мой дядя Станислав, родившийся в 1800 году, моя тетя Матильда и мой отец Феликс, родившийся в 1821 году.

Мой дед с детства занимался музыкой и был виртуозом на скрипке. Говорили, что он выступал на концертах с Никколо Паганини. Он обладал в юности прекрасным голосом и стал первым тенором Варшавской оперы. Его прозвали «словик» — соловей, а польский король называл его «мой словик». Но потом он потерял свой голос и тогда перешел на драматическую сцену и стал замечательным актером. Умер он ста шести лет, случайно, от угара. В некрологе о нем писали, что Ян Кшесинский обладал поразительным голосом, необычайной мягкости и замечательного тембра, и был великим артистом польского театра на трагических и комических ролях.

Мой отец с восьмилетнего возраста обучался хореографии под руководством балетмейстера Мориса Пиона. Сначала он выступал в классических танцах, но потом всецело посвятил себя характерным танцам и мимическим ролям.

В 1835 году, когда моему отцу было четырнадцать лет, он в городе Калише впервые танцевал в присутствии Императора Николая Павловича. Около Калиша были устроены грандиозные военные смотры в честь Прусского короля Фридриха-Виль-

гельма III, и по случаю этих торжеств был построен театр и откомандированы из Варшавы лучшие артисты, в том числе и мой отец.

Свидание двух монархов в Калише было крупным политическим событием, и Император Николай Павлович хотел придать особый блеск торжествам по этому случаю. Кроме маневров и военных смотров войскам, собранным вокруг города, в самом городе давались балы, спектакли и пышные приемы. Мой отец любил нам рассказывать об этих калишских празднествах, которые отразились на его театральной карьере.

Император Николай Павлович посещал Варшаву несколько раз, и ему нравились польские национальные танцы, в особенности мазурка. В Петербурге эти танцы тогда еще не были известны, и в 1851 году Император Николай Павлович решил выписать из Варшавы пять танцовщиков и танцовщиц для исполнения мазурки. В их числе был и мой отец. Мазурка имела огромный успех и с этого времени стала любимым танцем не только на сцене, но и на балах.

Мой отец должен был приехать в Петербург вместе со всеми, но во время представления в Варшаве балета «Катарина» нечаянно пыжом прострелил себе руку. Рана оказалась настолько серьезной, что опасались потери кисти руки, но ампутации делать не пришлось, рану вылечили, и он только лишился первого совместного с товарищами выступления в мазурке. Приехал он позже других и выступил 30 января 1853 года на сцене Императорского Александровского театра в «Крестьянской свадьбе».

Он танцевал краковяк, мазурку и па-де-труа со Снетковой 1-й и Паркачевой. С этого времени мой отец окончательно поселился в Петербурге и жил там до самой своей смерти.

Он имел на сцене Мариинского театра неизменный успех у публики, а его исполнение мазурки считалось образцовым, так что его ставили выше знаменитого варшавского танцовщика Попеля. А. Плещеев, видевший его в расцвете его славы, пи-

сал о нем: «Более удалое, гордое, полное огня и энергии исполнение этого национального танца трудно себе представить. Кшесинский умел придать ему оттенок величественности и благородства. С легкой руки Кшесинского или, как выразился один из театральных летописцев, с легкой его ноги, положено было начало процветанию мазурки в нашем обществе. У Феликса Ивановича Кшесинского брали уроки мазурки, которая с этой даты сделалась одним из основных бальных танцев в России»³.

Император Николай Павлович, который вообще очень интересовался балетом, так полюбил мазурку, что, когда 11 июля 1851 года, в день тезоименитства Великой Княгини Ольги Николаевны, в Петергофе был дан парадный спектакль на открытом воздухе, на генеральной репетиции Государь прошел на сцену и пожелал, чтобы протанцевали мазурку. Когда оказалось, что артисты не взяли с собою польских костюмов, он приказал танцевать свой любимый танец — мазурку — в костюме неаполитанских рыбаков. По счастью, капельмейстер А. Н. Лядов захватил с собою ноты. Этот случай был рассказан современником, генералом М. Гейротом, в его книге «Описание Петергофа»⁴.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Настоящая родословная составлена на основании Гербовника Польского Дворянства «Родина», том 8-й, с. 119, Варшава, 1911 год.

Род Кшесинских

Мой прадед — Войцех, род. в 1736 г.; в 1748 г. бежал во Францию. В 1768 г. женился в Париже на польской эмигрантке Анне Зиомковской.

Мой дед — Иван-Феликс (сын предыдущего), род. в 1770 г., скончался 106-ти лет, т. е. в 1876 г. Знаменитый скрипач, певец и драматический артист. В 1798 г. женился на Фелицате Петронелли-Деренговской. Она скончалась в 1870 г. в Петербурге у нас на квартире и была похоронена на католическом кладбище на Выборгской стороне.

Мой отец — Адам-Феликс, род. 9 ноября 1823 г., так значилось в бумагах, а отец утверждал, что он родился в 1821 г. В начале 60-х годов он женился на Юлии Доминской, вдове Ледё, балетного артиста. От первого брака у моей матери было пять человек детей, не считая четверых умерших в младенчестве. От второго брака нас было четверо.

Мой брат — Станислав, род. в 1864 г., скончался, кажется, в 1868 г.

Моя сестра — Юлия⁵, род. 22 апр. 1865 г., 11/24 дек. 1902 г. вышла замуж за барона Александра Логгиновича Зедделера, офицера Л.-Гв. Преображенского полка. Он род. 23 мая 1868 г., скончался 18 ноября 1924 г. в Кап д'Ай.

Мой брат — Иосиф-Михаил (Юзя)⁶, род. в 1868 г. В 1896 г. женился на Серафиме Александровне Астафьевой⁷, и в 1898 г. у него родился сын Вячеслав (или Славушка).

Я сама — Матильда-Мария, род. 19 авг./1 сент. 1872 года. 17/30 янв. 1921 г. я вышла замуж за Великого Князя Андрея Владимировича.

Глава вторая

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Детство мое было очень счастливое и радостное. Мои родители очень любили своих детей и жили для них. Своею любовью и заботою о нас они создали ту чарующую обстановку, которая останется навсегда самым дорогим воспоминанием моего детства.

Моя мать окончила Императорское Театральное училище и несколько лет была артисткой балетной труппы, но вскоре покинула сцену, выйдя замуж за артиста балетной труппы Леде, француза по происхождению.

Овдовев, она вышла замуж вторым браком за моего отца. От этих двух браков у моей матери было всего тринадцать человек детей, из коих я была самая младшая, тринадцатая.

Я родилась 19 августа по старому стилю, или 1 сентября — по новому, 1872 года, в местечке Лигово, на 13-й версте по Петергофскому шоссе, где мои родители нанимали дачу, чтобы проводить лето вдали от пыльного города и дать детям простор и чистый воздух.

Туда мы несколько лет подряд уезжали на летние месяцы. Недалеко от дома, где я родилась, находился знаменитый Красный кабачок, где в июне 1762 года переночевала Императрица Екатерина Вторая, когда во главе гвардейских полков шла походом, в форме Лейб-Гвардии Преображенского полка, — она была провозглашена Императрицей 23 июня.

Я была любимицей отца. Он угадывал во мне влечение к театру, природное дарование⁸ и надеялся, что я поддержу славу его семьи на сцене, где блистали его отец и он сам. С трехлетнего возраста я любила танцевать, и отец, чтобы доставить мне удовольствие,

возил меня в Большой театр, где давали оперу и балет. Я это просто обожала. Во время одной из таких поездок в театр произошел случай, который так глубоко врезался в мою память, что я вижу его до сих пор во всех подробностях, как будто это случилось вчера.

Однажды отец повез меня в Большой театр на дневное представление балета «Конек-Горбунок» и поместил меня в одной из закулисных лож третьего яруса, которые предоставлялись артистам.

«Конек-Горбунок», поставленный Сен-Леоном впервые 3 декабря 1864 года для бенефиса Муравьевой, был чудным балетом, вполне понятным для маленькой девочки, которая только начинала любить театр. Отец исполнял мимическую роль Хана, одну из лучших в его репертуаре, и создавал незабываемый художественный образ. Посадив меня на стул, он поспешил в свою уборную, чтобы загримироваться и переодеться к предстоящему спектаклю.

Я осталась одна в ложе. Прелесть этих лож заключалась в том, что они были на сцене и из них можно было видеть не только весь спектакль, но и перемену декораций во время антрактов, что, конечно, меня очень занимало. Никогда не забуду, с каким восхищением я смотрела спектакль, с каким вниманием следила за танцами, за игрою отца, как любовалась декорациями и световыми эффектами — то день на сцене, то ночь и луна, то ветер и гроза с громом и молнией, — все это представлялось мне сказочно прекрасным, таинственным и необыкновенно увлекательным.

Когда спектакль кончился, я стала терпеливо ожидать отца, зная, что ему нужно время, чтобы переодеться и прийти за мною для совместного возвращения домой. Но видя, что никто за мною не приходит, я тихонько слезла с кресла и спряталась за ним, чтобы меня не заметили, в расчете, что мне удастся остаться в ложе до вечернего спектакля, который должен был начаться через несколько часов. Пока же я могла из своей засады наблюдать, как к вечернему представлению ставились новые декорации, и это было для меня очень интересно.

Тем временем мой отец, разгримировавшись и переодевшись, спокойно отправился домой, довольный спектаклем и совершенно забыв все остальное, в том числе и меня. Увидев его одного, моя мать воскликнула в ужасе: «Где же Маля? Где ты ее оставил?»

«Боже! — вскрикнул отец. — Я позабыл ее в театре». — И бросился обратно за мной.

Я между тем отлично устроилась в ложе за креслом, наблюдая за тем, что происходило на сцене. Заслышав шаги отца, я быстро залезла под кресло в надежде, что он меня не найдет и что я все-таки смогу увидеть вечерний спектакль. Но, увы, это мне не удалось, и мой отец, к полному удовольствию моей матери, привел меня домой.

Большого театра более не существует⁹. Его уничтожили в прошлом веке, и на его месте была построена Консерватория и при ней театр. С Большим театром связаны мои первые театральные впечатления, там проявилась моя любовь к театру, и там же я впервые выступила на сцене. И на том же месте, но уже в театре Консерватории, я в последний раз выступила в России, в 1917 году.

От брака с моим отцом у моей матери было четверо детей, из которых один умер младенцем. Мы все трое поступили на сцену. Моя старшая сестра, Юлия, была очень красива и лучше всего исполняла характерные танцы; она выступала под именем Кшесинской 1-й, считалась украшением сцены, и ей всегда давали лучшие места. Мой брат Юзя был очень талантливым первым танцовщиком и походил на отца — такой же красивый, высокий, стройный и так же любил свое искусство, как мой отец, который ставил его выше всего в жизни.

Теперь, повидав за долгую жизнь немало замечательных артистов, я вспоминаю моего отца и Вирджинию Цукки¹⁰ и думаю, что при всей перемене взглядов, техники, требований балетного искусства они и теперь имели бы такой же успех и считались бы такими же первоклассными артистами, которые могли быть примером для тех, кто на сцене переи-

грывают и не переживают своей роли всем сердцем и душой.

По случаю шестидесятилетнего юбилея артистической деятельности моего отца 8 февраля 1898 года газеты отмечали невозможность даже упомянуть все те роли, которые ему пришлось исполнить, и перечислить балеты, в которых он выступал. «Менялись балетмейстеры и балерины, менялись начальники, менялись режиссеры и капельмейстеры, но он неизменно оставался на своем посту и был не только несменяемым, но и незаменимым».

Действительно, было бесчисленное множество балетов, в которых выступал мой отец за время своей долгой артистической карьеры, но мне ближе всего были те балеты, в которых я выступала с ним вместе, — «Пахита», «Дочь фараона», «Эсмеральда». Он вдохновлял меня своей игрой, и я ощущала себя вместе с ним не артисткой на сцене, а тою, которую я должна была воплощать.

Никто не танцевал так мазурку, как мой отец, который вкладывал в нее весь свой темперамент. Этот танец он передал мне, и я его восприняла глубоко. Балетоманы долго вспоминали его исключительный успех в поставленной им мазурке в балете «Которая из трех», которую он исполнял с Марией Сергеевной Петипа, Лядовой 2-й и Кошевой. Рецензисты отмечали, что не было равного ему исполнителя мазурки за все время его пребывания на сцене. Именно он ввел мазурку в Петербурге и Москве, где до того ее никогда не исполняли ни в театре, ни на балах, ни при дворе. Благодаря исполнению моего отца и под влиянием особой любви к ней Императора Николая Павловича, она была введена на сцену, а затем, в более доступной для непрофессиональных исполнителей форме, стала вводиться всюду. Все стали брать уроки мазурки у моего отца, он был всюду принят дружески. Часто я сопровождала отца на его уроки детям, и мне доставляло большое удовольствие танцевать с детьми и увлекать их в вихрь бешеной мазурки.